

УДК 81:0/9

ГЕОКОНЦЕПТОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

Наталья Львовна Зелянская

к. филол. н., ведущий научный сотрудник

кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. zelyanskaya@gmail.com

В статье осуществляется реконструкция ментальных репрезентаций региональной идентичности и описание способов их экстерииоризации во внешней среде. Исследование проводится в рамках геоконцептологии – междисциплинарной научной области, посвященной ментальным репрезентациям геопространства и экстерииоризации их во внешней среде с помощью доступных субъекту семиотических систем, в частности, языковых знаков, схем, графиков, формул, рисунков, карт и др.

В качестве материала выступили «наивные» карты, полученные в эксперименте «когнитивное геокартирование». Анализ и интерпретация данных проводились в рамках семиотической традиции, т. к. «наивные» карты имеют поликодовую природу: совмещают в себе графическую и вербальную знаковые системы.

На материале наивной картографии была рассмотрена региональная идентичность в контексте общенациональной идентичности, имеющей свои знаковые средства, маркирующие их присутствие в наивных картах. Выводы позволили оценить уровень взаимовлияния и конфликтности региональной и общенациональной идентичностей.

Ключевые слова: геоконцептология; геоконцепт; «наивная» география; ментальная карта; региональность.

Введение

Геоконцептология представляет собой междисциплинарную область исследований, посвященных ментальным репрезентациям геопространства и экстерииоризации их во внешней среде с помощью доступных субъекту семиотических систем, в частности, языковых знаков, схем, графиков, формул, рисунков, карт и др. Одним из основных теоретических конструктов данной предметной области является понятие *геоконцепта*, который в гуманитарной географии понимается как «любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом» [Калуцков 2012: 27].

Геоконцепт синтезирует сам образ, его имя (топоним) и его пространственность (территориальность), что важно для изучения образов объектов с конституирующим их пространственным модусом. Образ территории возникает в процессе концептуализации, «сознательного, конструктивного выстраивания её новых смыслов и географических образов» [там же: 28]. Конечно, роль сознательного конструирования в процессе создания геоконцепта важна, однако образ тер-

ритории, функционирующий в сознании социума, «складывается» из источников (стереотипы, архетипы, фоновые знания, актуальный социокультурный контекст), которые имеют разные степени осознанности, но, тем не менее, оказывают огромное влияние на представления о пространстве.

В данной связи большой интерес представляют те смыслы и образы, которые создаются в процессе непрофессиональной рефлексии обыденного сознания о пространстве, т.к. отсутствие профессионального взгляда на проблему позволяет реконструировать наиболее типичные стратегии экстерииоризации пространственных представлений, системы кодов, с помощью которых происходит экстерииоризация, факторы, влияющие на этот процесс.

В рамках геоконцептологии, понимаемой в указанном смысле, перспективным является, на наш взгляд, изучение геоконцептов с учетом вариативности региональных, возрастных, профессиональных, этнических, гендерных параметров.

В данной статье осуществляется реконструкция ментальных репрезентаций региональной

идентичности и описание способов их экстериоризации во внешней среде.

Региональная идентичность, как и другие виды идентичности, является итогом сложнопереpletенных осознаваемых и неосознаваемых процессов социализации, поиска культурных, ценностных ориентиров, формирования индивидуальности и т.п. Но региональная идентичность, помимо прочего, тесно связана с пространственной рефлексией, поэтому изучение этого феномена интересует исследователей не только в социокультурных, социокогнитивных, но и в исторических, экономических, географических и других аспектах (K. Roth; M. Sugar; D. R. Williams).

В то же время представляет интерес рассмотрение когнитивных аспектов региональной идентичности. Они проявляются на уровне принципов организации ментальных репрезентаций геопространства и могут изучаться с помощью экспериментальных методов.

Благодаря развитию когнитивных наук у исследователей появился такой теоретический конструкт, как «mental map» (восходящий к «когнитивной карте» Э. Толмана [Tolman 1948]). И несмотря на критику в адрес географических ментальных карт, в частности: [da Vinha 2012], их назначение многопланово: это и форма осуществления когнитивных процессов «continually adapting structure of the mind» [Henrikson 1980: 498], и организация человеческого опыта и знания, и понятные схемы этой организации [Chiodo 2007], и ментальные структуры, репрезентирующие особенности «individual grasps his own geographic environment» [Crickemans 2011: 3]. Таким образом, mental map понимается как феномен, т.е. как действующие формы / форматы переработки, хранения и трансляция информации (по крайней мере, значимой ее части), и как конструкт, как способ моделирования рассматриваемого феномена.

Одним из методов, позволяющих экспериментально изучать проблему региональной идентичности в контексте геоментальных репрезентаций (geographic mental map), является sketch mapping [Didelon 2011; Saarinen 1988; Troffa 2009 и др.]. Вообще, «наивные» карты являются источником изучения когнитивных процессов переработки пространственной информации. В частности, экспериментально исследуются зависимости между «drawing ability, spatial ability, spatial memory, and geographic and spatial knowledge» [Bell, Archibald 2011]; соотношение визуального и вербального пространственного знания [Lohmann 2011], изучения психосоциальных паттернов взаимодействия человека и его social-

physical environment [Pinheiro 1998; Troffa и др. 2009] и мн. др.

«Наивная» карта отражает модель мира человека, его способы восприятия мира и поведения в окружающей среде. A. Paasi, обобщая проводимые исследования в области социальной идентичности, отмечает, что spatiality является важной частью конструируемой идентичности, а «the politics of place are seen as crucial for class, gender, religious and ethnic relations and sexuality» [Paasi 2003: 476]. И наоборот, идентичность является ключом к пониманию региональной проблематики [ibid.].

Изучение региональной идентичности в контексте sketch mapping уже осуществлялось в отдельных аспектах. Наиболее близкими нашим работам являются экспериментальные исследования, проводимые R. Troffa и др., цель которых состояла в обнаружении соответствий региональной идентичности и «наивных» карт, изображающих регион [Troffa и др. 2009]. В то же время очевидно, что контексты изучения региональной идентичности с помощью sketch mapping могут быть и другими.

«Когнитивное геокартирование» как метод исследования

Основу исследования составили эксперименты, проводимые в рамках анализа «наивных» карт. Эксперимент осуществлялся следующим образом. Группе респондентов выдавался лист формата А3 и предлагалось задание:

1) на основании собственных знаний и представлений нарисовать карту России, на которой отметить: а) наиболее важные географические объекты России (под географическими объектами понимаются любые объекты, наносимые на географические карты), б) страны, с которыми граничит Россия;

2) возле всех нанесенных информантом на карту географических объектов записать ассоциации / представления, связанные с данными объектами (пример карт, полученных в процессе эксперимента по когнитивному геокартированию, см. на рисунке).

В отличие от направленного эксперимента [Troffa и др. 2009] с заданием нарисовать карту региона, в инструкции проводимого нами эксперимента не было никаких упоминаний о регионе информантов, что предполагало свободу в выборе географических объектов на создаваемых картах (свой регион они могли не отмечать). В то же время «погружение» региональной проблематики в более широкий контекст позволило рассматривать ее в как одну из существующих пространственно создаваемых идентичностей.

Используемые переменные имеют некоторые отличия от принятых в картосемиотике, в частности, для ментальных карт важный параметр не только присутствие, но и отсутствие объектов («фигура умолчания»), а также степень заполненности объектами «наивной» карты. В то же время семантика знаков «наивной» карты не настолько «строга», как в настоящих географических картах; более вариативна. Например, изображение городов в географических картах связано с их размерами и административным значением. В «наивной» карте отношение знаков к отображаемым объектам может быть разным. Например, на рисунке все города обозначены по форме одинаково, но с различиями в цвете (что нехарактерно для географических карт). Москва и Санкт-Петербург по цвету отличаются от всех других городов; кроме того, можно заметить различия между российскими «столицами» на уровне цветового отображения (то же на рисунке). Семантику знаков усиливает вербальный компонент в том случае, когда он присутствует на рисунках, а также различные пиктографические объекты, часто передающие национально-культурный код (например, многочисленные изображения медведей на карте России, в том числе медведя с медом и даже медведя с балалайкой).

Сочетание переменных может использоваться как для создания целостного географического объекта (топонимы), так и для связности нескольких топонимов в относительно устойчивые конструкции, или *figurations* [Bertin 1983: 12]. Некоторые из нанесенных на «наивную» карту объектов образуют относительно устойчивые конструкции (т. е. воспроизводятся совместно).

Результаты и их обсуждение

Региональная идентичность на уровне «наивных» карт репрезентируется системой упоминаний / умолчаний об объектах, графическими и вербальными средствами как по отдельности, так и совместно.

96 % «наивных» карт содержит город информанта (т.е. очевидна саморепрезентация с помощью пространства). Кроме того, Я-город «стремится» к центру карты, нарушая существующие географические пропорции, что, вероятно, обусловлено архетипическим стремлением располагать «свое» пространство в космогоническом центре, обладающем максимально конструктивной силой. Регион проживания на графическом уровне часто отделяется границами от остального пространства России.

Региональная идентичность недвусмысленно поддерживается и ассоциациями респондентов.

Как правило, отношение к собственной малой родине по преимуществу передается положительными оценками. Информанты выражают свое отношение посредством принадлежности (в том числе и семейной) – «мой», «родной», персональной истории – «я родился / родилась», эмоционально-чувственной сферы – «любимый», эстетики – «красивый», экологических характеристик – «чистый» и др. Данные оценки часто выражаются в превосходной степени с помощью прилагательного «самый». Например, к Оренбургу: «мой любимый город»; «город, где я родилась – самый родной и любимый город»; «родной город – чистый, красивый, климат хороший; самый лучший город»; к Перми: «родной любимый город»; «мой город»; «родной город» и др.); к Бийску: «родной город»; «родина»; «мой город, Наукоград»; «маленький уютный городок».

Любая идентичность основана на традициях и системе ценностей; региональная идентичность конструируется в том числе и пространственными ценностями данного места, т.е. *nature* и *human / social* топонимами, имеющими персональную значимость (ср. «that the higher is the regional identification, the more detailed are the sketch maps» [Troffa и др. 2009: 329]). Региональная идентичность на уровне *mental spaces* [Fauconnier 1994] репрезентируется посредством системы ценностей, реализованных на некотором классе объектов (ментальных репрезентаций географических объектов), результатом чего становится географическая *mental map*. Проекция *mental map* на знаковую физическую плоскость в виде «наивной» карты позволяет выявить соответствия феномена ценности и семиотических средств / механизмов ее выражения. Так, одним из наиболее значимых механизмов региональности восприятия пространства является гиперболизация размеров (т.е. значимости) своего региона. Тот же принцип действует и в отношении регионов и стран, находящихся в непосредственной близости к региону проживания информанта. Например, в г. Оренбурге информанты изображали Казахстан, по размерам превышающий Китай, а в Алтайском крае, граничащем и с Казахстаном, и с Китаем, географические пропорции в большей степени соответствуют действительности.

Ценность географических объектов для «Я» находится в прямой зависимости от расстояния до него – исключение составляют топонимы, конституирующие общенациональную идентичность. Градиентность ценности проявляется 1) в уменьшении частоты упоминания удаленных топонимов; 2) увеличении степени искажения реального географического пространства (расположение топонимов, их свойства).

Региональная удаленность искажает пространство не только стран-соседей, но и самих российских территорий. Очень часто для респондентов стираются все дифференциальные признаки регионов, находящихся в значительном отдалении от места их проживания, они могут даже сливаться в один, смешиваться и меняться местами. Нередки также случаи, когда путаница происходит по причине некоторого сходства звуковых образов названий каких-либо городов (например, Магадан и Мурманск), что, несомненно, объясняется существованием и функционированием подобных географических реалий в геосознании информантов в качестве знаков без референтов. Иными словами, бессознательно идентифицируются как принадлежащие «чужому» пространству, располагающемуся вдали от *Axis mundi*, потому полностью деструктурируются, выпадают за пределы упорядоченного Космоса.

Кроме региональных топонимов в пространство «наивных» карт вводятся топонимы, имеющие общенациональную значимость, выражающуюся в том, что информанты из разных регионов часто рисуют данные географические объекты на своих картах. Однако представить четкую границу, отделяющую региональные от общенациональных топонимов, сложно. Например, топонима Екатеринбург на картах пермских информантов является репрезентантом регионального контекста (встречается с частотой 0,75), но в то же время ее можно считать общенациональной, т.к. Екатеринбург изображает на своей карте каждый четвертый испытуемый. Таким образом, топонима, имеющая общенациональную значимость, может рассматриваться сразу в нескольких контекстах в том случае, когда «Я» находится в непосредственной близости от нее. Заметим, что в данном случае частота упоминания топонимы в «наивных» картах резко возрастает.

Топонимы, значимые на уровне общенационального контекста, связаны не с удаленностью от Я-центра, а с той моделью национальной идентичности, которая принимается субъектом. Так, во всех «наивных» картах есть устойчивый центр – политическая столица – Москва, которая встречается чаще регионального «Я»-центра (0,96). Другими общероссийскими топонимами, отмечаемыми частотно на «наивных» картах во всех регионах страны, являются «культурная столица» Санкт-Петербург (0,73), крайние западная и восточная «точки», обозначающие границы «своего» мира – Владивосток (0,37) и Калининград (0,23). Природные объекты на этом уровне представлены озером Байкал (0,41), Уральскими горами (0,45), Черным морем (0,43), рекой Волгой (0,24), островом Сахалин (0,20).

Региональное и национальное постоянно находятся в явном или скрытом ценностном конфликте. ИмPLICITный конфликт можно наблюдать в расположении топонимом (например, в центре карты оказывается «Я»-город, а не Москва). Если же имеет место явный конфликт, как правило, вербально выраженное несогласие с общепринятыми утверждениями, то региональное снова оказывается сильнее. Например, в «наивных» картах пермяков можно встретить такую надпись, посвященную р. Кама, протекающей в Перми: «Кама, в которую впадает Волга».

Заключение

Методы наивной картографии дают уникальные возможности изучения ментальных репрезентаций региональной идентичности. Полиmodalность «наивных» карт позволяет информанту транслировать субъективные смыслы сразу с помощью вербальной и графической знаковых систем, поэтому в качестве средства описания полученных данных нами используется концептуальный аппарат картосемиотики.

К другим достоинствам наивной картографии можно отнести и возможность исследования региональной идентичности в контексте других идентичностей (в частности, общенациональной), имеющих свои знаковые средства, маркирующие их присутствие в «наивных» картах. Это, в свою очередь, позволяет оценить уровень взаимовлияния и конфликтности региональной и общенациональной идентичностей.

Наивная картография предоставляет интересные данные об особенностях картины мира проживающих на данной территории, о ее геополитическом статусе, о взаимоотношениях с геополитическими «соседами» и мн. др. Полагаем, что результаты позволят выявить проблемные точки в моделируемом пространственном концепте страны в целом и отдельных ее регионах и могут быть востребованы при создании имиджа региона, в туристической сфере и государственном управлении.

Примечание

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 4-06-00301).

Список литературы

- Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Лингвосомиотическое моделирование обыденной географической картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №2. С. 73–85.
Bell S., Archibald J. Sketch Mapping and Geographic Knowledge: What Role for Drawing Ability

// Understanding and Processing Sketch Maps. 2011. P. 1–10.

Bertin J. Semiology of Graphics: Diagrams, Networks, Maps. University of Wisconsin Press, 1983. 440 p.

Chiodo J. Improving the Cognitive Development of Students' Mental Maps of the World // Journal of Geography. 2007. №96(3). P. 153–163.

Criekemans D., Duran M. Mental maps, geopolitics and foreign policy analysis: basic analytical framework and application to sub-state diplomacy in the Mediterranean // Third Global International Studies Conference World Crisis. Revolution or Evolution in the International Community. Porto: University of Porto, 2011. P. 3–46.

da Vinha L. Charting geographic mental maps in foreign policy analysis: a literature review // Human geographies. 2012. №6.1. P. 5–17.

Didelon C., de Ruffray S., Boquet M., Lambert N. A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps // The Cartographic Journal. 2011. Vol. 48. P. 100–107.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 238 p.

Henrikson A. K. The geographical «mental maps» of American foreign policy makers // International Political Science Review. 1980. №1(4). P. 495–530.

Lohmann K. The Use of Sketch Maps as a Basis for Measures of Spatial Knowledge // Conference on Spatial Information Theory, 2011. URL: http://www2.informatik.uni-hamburg.de/wsv/pub/lohmann_sketch_2011.pdf (дата обращения: 15.11.2014).

Neytchev P. The Cartographic Knowledge Base in formulating the linguistic trend of map semiotics // Geografija. 2008. Т. 44, №. 2. P. 75–82.

Paasi A. Region and place: regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. №27, 4. P. 475–485.

Pinheiro J. Determinants of cognitive maps of the world as expressed in sketch maps // Journal of Environmental Psychology. 1998. №18. P. 321–339.

Roth K., Brunnbauer U. (eds.) Region, Regional Identity and Regionalism in Southeastern Europe. Part 1 // Ethnologia Balkanica. 2007. Vol. 11. 304 p.

Saarinen T. F. Centering of Mental Maps of the World // National Geographic Research. 1988. №4(1). P. 112–127.

Schlichtmann H. Visualization in thematic cartography: towards a framework // The selected problems of theoretical cartography. 2002. URL: http://rcswww.urz.tu-dresden.de/~wolodt/tc-com/pdf/sch_2000.pdf (дата обращения: 15.11.2014).

Sugar M. Regional Identity and Behavior. 2002. 194 p.

Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men // The Psychological Review. 1948. №55(4). P. 189–208.

Troffa R., Mura M., Fornara F., Caddeo P. Cognitive mapping analysis and regional identity // Cognitive Processing, 2009. Vol. 10, iss. 2. Supplement. P. 328–330.

Williams D. R., McDonald C. D., Riden C., Uysal M. Community attachment, regional identity and resident attitudes toward tourism // Proceedings of the 26th Annual Travel and Tourism Research Association Conference Proceedings, 1995. P. 424–428.

Wolodtschenko A. Zur Struktur der Karten // Diskussionsbeiträge zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie, Intern. Korrespondenz-Seminar. Band 6. Dresden: Selbstverlag TU Dresden, 2003. S. 43–47.

References

Bell S., Archibald J. Sketch Mapping and Geographic Knowledge: What Role for Drawing Ability. Understanding and Processing Sketch Maps. 2011. P. 1–10.

Belousov K. I., Zeljanskaja N. L. Lingvosemioticheskoe modelirovanie obydennoj geograficheskoy kartiny mira [Lingvosemiotic modeling of an ordinary geographical worldview]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]. 2013. №2. P. 73–85.

Bertin J. Semiology of Graphics: Diagrams, Networks, Maps. University of Wisconsin Press 1983. 440 p.

Brodeckij A. Ja. Vnerechevoe obshhenie v zhizni i v iskusstve: Azbuka molchanija [Extra speech communication in life and in art: Alphabet of silence]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 192 p.

Chiodo J. Improving the Cognitive Development of Students' Mental Maps of the World. Journal of Geography, 2007. No 96(3). P. 153–163.

Criekemans D., Duran M. Mental maps, geopolitics and foreign policy analysis: basic analytical framework and application to sub-state diplomacy in the Mediterranean. Third Global International Studies Conference World Crisis. Revolution or Evolution in the International Community. Porto, University of Porto, 2011. P. 3–46.

da Vinha L. Charting geographic mental maps in foreign policy analysis: a literature review. Human geographies. 2012. No 6.1. P. 5–17.

Didelon C., de Ruffray S., Boquet M., Lambert N. A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps. The Cartographic Journal, 2011. Vol. 48. P. 100–107.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 238 p.

Henrikson A. K. The geographical «mental maps» of American foreign policy makers. Interna-

tional Political Science Review. 1980. No 1(4). P. 495–530.

Lohmann K. The Use of Sketch Maps as a Basis for Measures of Spatial Knowledge // Conference on Spatial Information Theory, 2011. Available at: http://www2.informatik.uni-hamburg.de/wsv/pub/lohmann_sketch_2011.pdf (accessed 15.11.2014).

Neytchev P. The Cartographic Knowledge Base in formulating the linguistic trend of map semiotics. *Geografija [Geography]*. 2008. Vol. 44, No. 2. P. 75–82.

Paasi A. Region and place: regional identity in question. *Progress in Human Geography*. 2003. No 27, 4. P. 475–485.

Pinheiro J. Determinants of cognitive maps of the world as expressed in sketch maps. *Journal of Environmental Psychology*. 1998. No 18. P. 321–339.

Roth K., Brunnbauer U. (eds.) Region, Regional Identity and Regionalism in Southeastern Europe. Part 1. *Ethnologia Balkanica*. 2007. Vol. 11. 304 p.

Saarinen T. F. Centering of Mental Maps of the World. *National Geographic Research*. 1988. No 4(1). P. 112–127.

Saarinen T. F., MacCabe C. The world image of Germany *Erdkunde*. 1990. No 44. P. 260–267.

Schlichtmann H. Visualization in thematic cartography: towards a framework // The selected prob-

lems of theoretical cartography, 2002. Available at: http://rcswww.urz.tu-dresden.de/~wolodt/tc-com/pdf/sch_2000.pdf (accessed 15.11.2014).

Sugar M. Regional Identity and Behavior. 2002. 194 p.

Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men // *The Psychological Review*. 1948. No 55(4). P. 189–208.

Troffa R., Mura M., Fornara F., Caddeo P. Cognitive mapping analysis and regional identity // *Cognitive Processing*, 2009. Vol. 10, Iss. 2. Supplement. P. 328–330.

Williams D. R., McDonald C. D., Riden C., Uysal M. Community attachment, regional identity and resident attitudes toward tourism // *Proceedings of the 26th Annual Travel and Tourism Research Association Conference Proceedings*, 1995. P. 424–428.

Wolodtschenko A. Zur Struktur der Karten // *Diskussionsbeitraege zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie*, Intern. Korrespondenz-Seminar. Band 6. Dresden: Selbstverlag TU Dresden, 2003. P. 43–47. [Wolodtschenko A. For the Structure of the Map // *Contributions to the Discussion Cartosemiotics and the Theory of Cartography*, Intern. Correspondence Seminar. Band 6. Dresden: Selbstverlag TU Dresden, 2003. P. 43–47].

GEO-CONCEPTOLOGY AND REGIONAL IDENTITY

Natalya L. Zelyanskaya

Leading Researcher in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

The article examines reconstruction of mental representations of regional identity and description of methods of their externalization. The study is conducted within the framework of geo-conceptology – an interdisciplinary scientific area dedicated to mental representation of geospace and its externalization in the external medium through semiotic systems, in particular linguistic signs, charts, graphs, formulas, drawings, maps and others, available to the subject. They are “native” maps obtained from a “cognitive geo-mapping” experiment that served as the material for the study. Data analysis and interpretation were carried out within semiotic tradition because “naive” maps are of a multi-code nature, as they combine both graphical and verbal sign systems. On the basis of the “naive” mapping material, regional identity was considered in the context of national identity, which has its own sign means, marking its presence in the “naive” maps. Our findings made it possible to estimate the degree of interference and conflicts of regional and national identities.

Key words: geo-conceptology; geo-concept; «naive» geography; mental map; regional nature.